

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917 – 1922 гг.)

П. В. Никулкин, М. М. Есикова

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р ист. наук, профессор А. А. Слезин

Ключевые слова: аграрная политика; артель; землепользование; коммуна; кооперация; средства производства; товарищество.

Аннотация: Рассмотрены основные направления аграрной политики советской власти на начальном этапе своего существования. Показано различие между формами сельскохозяйственной кооперации – артелью, коммуной и товариществом. Проанализированы причины превращения кооперации в государственную организацию. Отмечена роль правящей партии в поддержке коллективных хозяйств как ростков социализма в деревне. Акцентировано внимание на государственных мероприятиях, имевших большое значение для коллективизации крестьянских хозяйств.

Кооперация – добровольное объединение потребителей и производителей в целях совместного производства, переработки, приобретения, сбыта продуктов, сырья, товаров, получения кредита. Область деятельности кооперации – преимущественно область сбыта и переработки сельскохозяйственных продуктов, кредит, закупка товаров и т.п.

Кооперация не была заинтересована во вступлении в кооператив всех членов общества, так как в малоимущих членах не было смысла, и они сами не стремились в кооператив. Проникновение кооперации в деревню шло через наиболее уязвимые для общины места, то есть в тех точках, где влияние общины на крестьянина было наиболее слабым или такового не было вовсе. Восприятие крестьянами кооперации зависело от особенностей сложившегося типа общины.

Никулкин Павел Васильевич – аспирант кафедры «История и философия»; Есикова Милана Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия», e-mail: milana.61@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

В Тамбовской губернии преобладали многодворные селения, что вело к чересполосице, многополосице и дальнотемелью. Выделение на отруб и хутора в период столыпинской реформы шло менее активно, чем в других регионах, что связывалось со слабым развитием капиталистических отношений. Ведение полностью автономного хозяйства было затруднительно. Частые переделы земли в сравнении с другими регионами объяснялись не столько качеством земли, сколько выражением уравнивательных тенденций. Кроме того, для многодворных селений характерным являлось значительное число бедняцких хозяйств, для которых община служила защитным механизмом, поддержкой от разорения.

Основные различия между коллективными формами ведения сельского хозяйства заключались в степени обобществления средств производства и порядке распределения доходов. Вплоть до 1919 г. преобладали коммуны, в которых обобществлялись землепользование и труд; в товариществах – скот, машины, инвентарь, а постройки оставались в крестьянской собственности. Доходы распределялись по совокупности от объема паевых взносов и ценности средств производства, предоставленных каждым членом товарищества, и, конечно, в зависимости от количества труда.

В сельскохозяйственных артелях обобществлялись землепользование, труд и основные средства производства: рабочий и продуктивный скот, инвентарь, хозяйственные постройки и т.д. В личной собственности оставались жилой дом и подсобное хозяйство, включая и продуктивный скот, размеры которого ограничивались уставом. Доходы распределялись по трудодням, то есть по количеству и качеству труда. Артели, по замыслам их создателей, должны были обеспечивать сочетание личных и общественных интересов крестьян.

Крестьянство неоднозначно относилось к коллективным хозяйствам, насаждавшимся властями. Однако руководство страны пренебрегало их мнением, так как находило, что при коллективных формах хозяйства обобществление живого и мертвого инвентаря устраняло острый недостаток в сельскохозяйственных машинах и орудиях, а сама коллективизация давала возможность наиболее полно использовать землю и живую рабочую силу. Наличие коллективных форм хозяйства облегчало руководство хозяйственной жизнью, способствовало учету продуктов и равномерному распределению их между трудящимися. Насажение коллективных хозяйств позволяло избежать чересполосицу, дальнотемелью. Появлялись возможности введения многопольного севооборота, развития дополнительных отраслей растениеводства и животноводства.

После прихода к власти, большевики решили использовать кооперацию, с помощью которой можно было организовать товарообмен между городом и деревней, заменить ею распределение через рынок. В. И. Ленин отводил кооперации важное место в построении нового социалистического общества, считая, что первичные кооперативы могли бы стать ячейками будущего общества [1, т. 37, с. 346, 469].

Несмотря на политические поражения, кооперация, будучи организацией экономической, демонстрировала свою живучесть и умение справляться с задачами государственного значения. В 1918 – 1920 гг. большеви-

ки неустанно боролись за овладение кооперацией, пытаясь превратить кооперативный аппарат в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, превратило ее в государственную организацию. В результате, кооперация утратила изначально присущие ей принципы деятельности: хозяйственную и экономическую самостоятельность и обязательность членства для всех членов общества.

Если в начале 1918 г. в Тамбовской губернии насчитывалось только 10 коммун, то летом того же года уже 25 коммун и артелей. На II Тамбовской уездной конференции РКП(б) подчеркивалась необходимость «привлечь все силы партийных работников в деревне к самой энергичной деятельности и пропаганде среди всей крестьянской массы идей общественной обработки земли, организации земледельческих артелей и коммун» [2, с. 85].

В целях развития нового общественного уклада в деревне, кроме призывов и агитации, советская власть оказывала и более существенную помощь. Например, при распределении земли коммуна и артелям безвозмездно предоставляли инвентарь, размещали в бывших имениях и монастырях, имевших высокую культуру земледелия. Как отмечалось в инструкции по отводу луговых угодий в пользование учреждений советских предприятий и сельскохозяйственных объединений (1919 г.), именно их потребности в лугах, паровой земле, пашне и лесе должны были удовлетворяться в первую очередь [3, ф. Р-946, оп. 1, д. 1057, л. 16 об.].

Для оказания помощи колхозам Совнаркомы своими решениями от 3 июля и 3 августа 1918 г. выделил соответственно 10 и 50 млн руб. Кроме того, 2 ноября 1918 г. по инициативе В. И. Ленина правительство издало постановление «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства», которое выделило 1 млрд руб. для оказания помощи новым коллективам при условии их перехода от единоличной к общей обработке и уборке полей.

Однако, несмотря на значительную поддержку со стороны властей, коммуны самостоятельно существовать не могли, так как устав коммуны совершенно не учитывал принцип личной заинтересованности в результатах труда, что противоречило психологии крестьян. 21 июля 1918 г. был опубликован утвержденный Наркомземом «Примерный устав трудовой земледельческой коммуны», в соответствии с которым писались уставы всех коммун. Например, в уставе Ломовской трудовой сельскохозяйственной коммуны Кирсановского уезда отмечалось: «...все принадлежит всем, и никто в коммуне не может ничего назвать своим, каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам, работа в коммуне ведется сообща (коллективно), в коммуне за труд вознаграждение никому не платится, излишки продуктов за получением всех потребностей коммун собираются в общее хранилище под ответственным контролем коммун, для сдачи таковых в кооперативы или продовольственные отделы по твердым уравнильным ценам... коммуна не может пользоваться наемным трудом, за исключением специалистов» [3, ф. Р-946, оп. 1, д. 415, л. 23]. Возникнув на таких принципах, коммуны не могли утвердиться в качестве жизнеспособной формы хозяйства.

В отличие от коммун, артели больше отвечали интересам крестьян, так как они отчасти учитывали принцип материальной заинтересованности. В артелях крестьяне получали продукты по труду. Но и здесь также было много безразличия и безынициативности со стороны работников. Например, в октябре 1919 г. уполномоченным отмечалось, что в «Казанской коммуне» Моршанского уезда от халатного отношения к работе хозяйство пришло в полный упадок: с сентября по ноябрь 1918 г. здесь пало 6 лошадей и 20 кур [3, ф. Р-959, оп. 2, д. 294, л. 42 об.].

Товарищества по совместной обработке земли также пользовались поддержкой властей. Землепользование и труд по обработке земли в них подвергались обобществлению, в личной же собственности членов товарищества оставались средства производства. Все хозяйство, кроме совместной обработки земли, велось единолично. К такому типу ведения хозяйства крестьяне были привычны, так как это было похоже на привычную общинную обработку земли. Крестьяне поддерживали такие товарищества и более эффективно трудились в них, чем в других коллективных хозяйствах.

Принятие декрета СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г. [4, т. 4. с. 503 – 507] стало разрушительным для кооперации, так как согласно ему потребительские кооперативы во всех городах и селах должны были объединиться в единые распределительные органы – потребительские коммуны, охватывавшие все местное население. Членство в потребительских коммунах стало обязательным для каждого гражданина. После принятия декрета от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [5, с. 24] сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация превратились в сельскохозяйственную секцию Центросоюза. Таким образом, государство окончательно подчинило себе кооперацию. Как писал В. И. Ленин, кооперация оказалась «в состоянии чрезмерного удушения» [1, т. 43, с. 64]. На самом же деле, она была частично упразднена, и превращена в подсобный аппарат государства. Кооперация, превратившись в государственно-кооперативное предприятие, фактически утрачивала свою способность заинтересовать население.

Теоретиком крестьянской кооперации был А. В. Чаянов. В 1919 г. он разработал концепцию «кооперативной коллективизации» крестьянского сельского хозяйства. Согласно этой концепции, кооперация позволила бы без разрушения мелкого семейного хозяйства выделить и организовать на началах крупного производства наиболее эффективные отрасли. По мнению Чаянова, такая система кооперативного хозяйства привела бы к тому, что сами крестьяне в меру реальных возможностей определяли бы степень и формы использования крупного общественного производства [6, с. 193–194].

7 апреля 1921 г. СНК издал декрет «О потребительской кооперации», по которому кооперация освобождалась от подчинения Наркомпроду и получала право на самостоятельное существование. Согласно данному декрету, все граждане РСФСР должны были объединиться в единые потребительские общества (**ЕПО**), которым давалось «право организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огоро-

ды, молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовок и распределения, даваемые добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами». Декрет сохранял обязательное членство и трехступенчатую структуру организации (ЕПО, губсоюз, Центроюз) [7, с. 230 – 232].

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации» от 18 августа 1921 г. восстановил самостоятельное существование сельскохозяйственной кооперации. 24 декабря 1921 г. ее первичные организации в Тамбовской губернии были объединены в губернский союз сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации (губсельскосоюз), а в январе 1923 г. в состав губсельскосоюза вошли и колхозы [8, с. 16].

К началу 1921 г. в Тамбовской губернии насчитывалось около 600 коллективов, занимавших 0,7 % всей посевной площади и объединявших около 1 % крестьянских хозяйств [3, ф. Р-1, оп. 5, д. 52, л. 5]. Большинство из них были малочисленны и недолговечны. Положение этих коллективов было крайне сложным еще и потому, что большинство крестьян не поддерживали колхозы. Кроме того, в этот период разгоралось крестьянское восстание. Особенно трудным для колхозов был 1920 г., так как на них, в первую очередь, восставшие наносили свои удары. В Тамбовском, Козловском, Борисоглебском, Кирсановском и Моршанском уездах у коммунаров разграбили весь скот и хлеб, многие коллективы были разорены дотла [9].

При переходе к нэпу колхозы губернии владели жалкое существование. Из Липецкого уезда сообщали, что «коллективы потеряли свой авторитет трех лет с 1918 г.», поэтому теперь мало желающих вступать в колхозы [10, ф. 840, оп. 1, д. 2021, л. 14]. В отчете губернского экономического совещания за октябрь 1921 – март 1922 г. отмечалось, что «широкие слои крестьянства мало обращают внимания на колхозы в силу того, что до сих пор они усиленно снабжались государством, чего было лишено рядовое крестьянство, и в силу этого они не могут быть показательны. Крестьянское население вообще с недоверием относится к колхозам и слабо вовлекается в это движение. Основная причина в неподготовленности населения к коллективизации и стремление к ведению индивидуального хозяйства» [11, с. 50]. За семь месяцев 1921 г. общее число колхозов губернии сократилось почти вдвое: с 825 на 1 мая до 436 на 1 декабря с числом едоков в 24 138 чел. [3, ф. Р-946, оп. 1, д. 1985, л. 120].

После перехода к нэпу начинается резкий спад коллективного земледелия: на начало 1921 г. в губернии имелось около 600 колхозов, из них около 20 артелей; во второй половине 1921 г. – 300 колхозов, из них 15 коммун и 285 артелей; в 1922 г. – 174 колхоза, включая 14 коммун и 160 артелей; в 1923 г. – 366 колхозов, в составе 18 коммун, 143 артелей и 205 товариществ; в 1924 г. – 728 колхозов, объединявших 12 коммун, 161 артель и 555 товарищества [3, ф. Р-1, оп. 5, д. 52, л. 5; ф. Р-946, оп. 8, д. 133, л. 16; оп. 4, д. 158, л. 134]. Такая картина была характерна для всего Центрального Черноземья.

В распаде большинства колхозов важную роль сыграло то, что они не были способны работать в новых условиях. Постановлением от 17 ноября 1921 г. ВЦИК и Совнарком распространили на колхозы декрет о продналоге и «Положение о сельскохозяйственной кооперации» от 16 августа 1921 г. Теперь колхозы, которые раньше находились на государственном обеспечении, переводились на хозяйственный расчет на правах кооперативных организаций с производственными функциями. В этих условиях хозяйственная деятельность колхозов значительно усложнилась, у их руководителей не было еще умений и навыков вести крупное товарное хозяйство. Это обстоятельство сразу отразилось на материальном положении коллективов, и их число стало резко сокращаться [10, ф. 840, оп. 6, д. 230, л. 20].

Без льгот со стороны государства колхозам сложно было перестраиваться в организационно-хозяйственном плане. Так, местные земельные, финансовые и продовольственные органы старались проводить в жизнь постановление ВЦИК от 17 ноября 1921 г., в котором говорилось о том, чтобы «приравнять сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли) в отношении выполнения государственных налогов к хозяйствам единоличников» [4, т. 6, с. 12 – 15]. Продовольственные органы стали облагать колхозы повышенным налогом наравне с крупнопосевными хозяйствами; земельные органы – требовать выплаты за выданное государством имущество, а в некоторых местах даже требовать арендную плату за землю и т. д.

17 января 1922 г. был образован Тамбовский губернский кооперативный союз сельскохозяйственных коллективов (губкоопколсоюз), в который вошли все колхозы и подсобно-производственные кооперативы. 22 июля 1922 г. он был переименован в Тамбовский губернский производственный союз сельскохозяйственной, кредитной и кустарно-промысловой кооперации [12, с. 440 – 444], а в январе 1923 г. по решению губкома РКП(б) он вошел в состав губсельскосоюза.

Правящая партия уделяла большое внимание поддержке коллективных хозяйств, рассматривая их как ростки социализма в деревне. Весной 1922 г. на XI съезде РКП(б) отмечалось, что коммунисты должны принимать обязательное участие в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества. На XII Всероссийской конференции в августе 1922 г. также подчеркивалась большая роль колхозов как проводников пролетарского влияния в общем строительстве сельскохозяйственной кооперации. В апреле 1923 г. XII съезд партии постановил, что сельскохозяйственные товарищества, коммуны и артели должны получать преимущественную поддержку государственных органов. Определяя политику партии в деревне, в мае 1924 г. XIII съезд выдвинул в качестве главной задачи широкое кооперирование крестьянских масс.

Из государственных мероприятий, которые имели большое значение для коллективизации крестьянских хозяйств, важным являлось утверждение ВЦИК Земельного кодекса. Согласно статьям 130 и 131 кодекса, право на выдел земли для совместной обработки предоставлялось меньшинству

членов общества при несогласии большинства на переход к общественной обработке [13, с. 21]. Это значительно облегчало переход крестьянских хозяйств к коллективным формам, разрешая наиболее трудный вопрос о земле в интересах образовывавшихся колхозов. В 1922–1923 гг. коммуны, артели и товарищества стали получать скидки при уплате сельскохозяйственного налога, как хозяйства, в которых большинство составляли бедняки. С 1923–1924 гг. началось преимущественное снабжение колхозов сельскохозяйственными машинами и другими средствами производства, им предоставлялась 25%-я скидка с сельскохозяйственного налога. Так же колхозы пользовались всеми налоговыми льготами, которые предоставлялись крестьянским хозяйствам за внедрение улучшенных приемов агротехники. Все это создавало условия для укрепления коллективных форм земледелия в новой экономической обстановке.

Уже в первый год нэпа внимание местного руководства в колхозном строительстве было обращено на перевод коммун и артелей на кооперативный устав и включение их в кооперативную сеть. Этот вопрос обсуждался на пленумах и заседаниях губкома РКП(б). В принятых решениях подчеркивалось, что колхозы не должны раствориться в общей массе кооперативных товариществ, а должны сохранить себя как социалистические сельскохозяйственные единицы. Так, на заседании Тамбовского губкома (январь 1922 г.) постановили: «Объединение колхозов с сельскохозяйственными кооперативами признать своевременным при условии, чтобы это объединение происходило с низов, чтобы при этом объединении колхозы не утратили своего значения как организации бедноты» [14, с. 4].

Подготовленный наркомземом и вышедший в 1922 г. «Примерный устав сельскохозяйственной коммуны» не подчеркнул определенно, что составляло специфическую сущность каждой формы коллектива. Поэтому на местах приступили к выработке своих уставов. Такой устав, довольно удачно подчеркивающий отличия коммун и артелей от других видов кооперативных товариществ, был разработан и в Тамбовской губернии. На его основе развернулась работа по перерегистрации колхозов, продолжавшаяся в течение всего 1922 и первой половины 1923 гг.

Перевод колхозов на кооперативный устав и включение их в сеть кооперации осложнялась тем, что специалисты-кооператоры, которые сохраняли в тот период большое влияние в губернском союзе сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации, противились приему колхозов в члены союза. В результате создавались преграды к приему колхозов, а тем колхозам, которые вошли в кооперацию, не оказывалось никакой реальной помощи.

Таким образом, сельскохозяйственная кооперация в Тамбовской губернии в первые годы советской власти прошла в своем развитии достаточно непростой путь. Отрицательное отношение к колхозам со стороны руководства кооперации привело к тому, что до 1923 г. в Тамбовской губернии существовали отдельно уездные и губернские союзы колхозов и сельскохозяйственной кооперации.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1969.
2. Кузнецов, А. А. Аграрные реформы в России XX столетия (на примере Тамбовской области) / А. А. Кузнецов, И. В. Давыдова. – Мичуринск : Изд-во Мичур. гос. аграр. ун-та, 2004. – 264 с.
3. Государственный архив Тамбовской области.
4. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М., Политиздат, 1957 – 1997.
5. Сельскохозяйственная кооперация : сб. декретов. – М., 1924.
6. Чаянов, А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А. В. Чаянов. – М. : [б. и.], 1919. – 343 с.
7. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. В 4 т. Т. 1. 1917 – 1928 гг. / сост В. Н. Малин, А. В. Коробов. – М. : Госполитиздат, 1957. – 879 с.
8. Кооператор. – Тамбов, 1922. – № 1.
9. Изв. Тамб. губисполкома. – 1920. – 19 нояб.
10. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области.
11. Тамбовское губернское экономическое совещание (1922; Тамбов) : отчет Совету Труда и Обороны за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. – Тамбов : Гос. тип., 1922. – 180 с.
12. Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Октябрь 1921 – октябрь 1922. – Тамбов, 1922.
13. Земельный кодекс РСФСР. – М., 1922.
14. Бюллетень Тамбовского губкома РКП(б). – 1922. – № 2.

References

1. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete set of works), Moscow, Politizdat.
2. Kuznetsov A.A., Davydova I.V. *Agrarnye reformy v Rossii KhKh stoletiya (na primere Tambovskoi oblasti)* (Agrarian reforms in Russia in the twentieth century (for example, the Tambov region)), Michurinsk: Izdatel'stvo Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2004, 264 p.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* (State Archives of Tambov region).
4. *Dekrety Sovetskoi vlasti* (The decrees of the Soviet government), Moscow, Politizdat, 1957-1997.
5. *Sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya : sbornik dekretov* (Agricultural co-operatives, collection of decrees), Sb. dekretov, Moscow, 1924.
6. Chayanov A.V. *Osnovnye idei i formy organizatsii krest'yanskoi kooperatsii* (The basic ideas and forms of organization of peasant cooperatives), Moscow, 1919, 343 p.
7. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam* (Directive of the CPSU and the Soviet government on economic issues), vol. 1 of 4, Moscow: Gospolitizdat, 1957, 879 p.
8. *Kooperator*, Tambov, 1922. no. 1.
9. *Izvestiya Tambovskogo gubispolkoma*, 1920, 19 November.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti* (State Archive of Socio-Political History of Tambov region).

11. *Tambovskoe gubernskoe ekonomicheskoe soveshchanie (1922; Tambov) : otchet Sovetu Truda i Oborony za period s 1 oktyabrya 1921 g. po 1 aprelya 1922 g.* (Tambov Provincial Economic Conference (1922, Tambov), report to the Council of Labor and Defense for the period from October 1, 1921 to April 1, 1922), Tambov: Gosudarstvennaya tipografiya, 1922, 180 p.

12. *Obzor narodnogo khozyaistva Tambovskoi gubernii. Oktyabr' 1921 – oktyabr' 1922* (Review of the economy of the Tambov Province. October 1921 - October 1922), Tambov, 1922.

13. *Zemel'nyi kodeks RSFSR* (The Land Code of of the RSFSR), Moscow, 1922.

14. *Byulleten' Tambovskogo gubkoma RKP(b)*, 1922, no. 2.

Agricultural Cooperation in the Tambov Province in the Early Years of the Soviet Rule (1917 – 1922)

P. V. Nikulkin, M. M. Esikova

Tambov State Technical University, Tambov

Keywords: agricultural policy; commune; cooperation; guild; land use; means of production; partnership.

Abstract: The authors considered the basic directions of agrarian policy of the Soviet government at the initial stage of its existence. The difference between the various forms of agricultural cooperation – guild, commune and partnership – is shown. The causes of transformation cooperation into the state organization have been analyzed. The role of the ruling party in support of collective farms, as germs of socialism in the rural areas has been stressed. Attention is paid to government measures, which were of great importance for the collectivization of farms.

© П. В. Никулкин, М. М. Есикова, 2015